

М. М. Бенцианов
СЗИ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия. *Vtm4@yandex.ru*
ORCID 0009-0007-7450-6222

ПОРУЧНЫЕ ЗАПИСИ 1560-Х – НАЧАЛА 1570-Х ГГ.: ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ДЕТИ БОЯРСКИЕ

Статья посвящена изучению горизонтальных связей в поручных записях 1560-х – начала 1570-х гг. из Царского архива, которые рассматриваются как единый комплекс документов, отражающий происходившие изменения во внутривластной ситуации Русского государства. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что поручные записи имели ситуативный характер и не привели к возникновению практики общей поруки среди представителей круга высшей аристократии, по аналогии с территориальными служилыми корпорациями второй половины 1570-х гг. Выявленные примеры горизонтальных связей не отличались системностью. При увеличении сумм поруки и расширении числа поручителей процедура поручительства теряла свое значение и превращалась в своеобразный политический «маскарад».

Ключевые слова: Русское государство, поручительство, поручные записи, правящая элита, аристократия, Государев двор, опричнина, горизонтальные связи, Иван Грозный

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00416. Приношу искреннюю благодарность М. М. Крому и А. П. Павлову за высказанные замечания к тексту статьи.

Большая часть поручных записей, дошедших до нашего времени в составе Царского архива, была создана в 1560-е – начале 1570-х гг. Трудно сказать, является ли список имеющихся поручных записей этого времени исчерпывающим. А. А. Зимин считал его «более или менее полным» [Зимин 2001, с. 55–56]. В описи Царского архива сохранилось упоминание о находившихся на хранении в нескольких ящиках поручных записях. В ящике 35 хранились «записи поручные старые и новые», которые, скорее всего, были составлены в разные десятилетия. Значительная часть поручных записей находилась в другом месте (ящик 39) [ГАР, ч. 1, с. 47, 49, 66, 69]. Отдельно хранилась «запись поручная Ивана Хабарова».

Практика поручительства высших представителей Государева двора была известна еще с 1470-х гг. К середине XVI в. она, по всей видимости, затрагивала небольшое количество лиц и проявлялась эпизодически [Бенцианов]. В переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным отсутствовали упоминания об ответственности поручителей в связи с побегом этого вельможи, о которых не преминул бы напомнить ему царственный оппонент. Тема клятвопреступления была для Ивана IV одной из ключевых [Переписка, с. 54, 63–65]. Очевидно, А. М. Курбский, боярин и видный воевода, не был связан обязательствами поруки, хотя к концу апреля 1564 г. имел основания опасаться за свою жизнь.

В период с 1547 по 1562 г. не было представлено ни одной поручной записи. Опалы и последующие прощения опальных вельмож в это время являлись неотъемлемой частью политической жизни. Нет упоминаний, например, о взятии поруки по князю С. В. Звяге Ростовскому, совершившему попытку побега в Литву. Он был лишен боярского звания, но позже упоминался в разрядах в качестве одного из воевод [РК 1475–1598, с. 213].

Практика возобновления поручительства была инициирована, вероятно, Иваном IV, хотя его отношение к этой процедуре могло меняться в зависимости от конкретной ситуации. При незначительном количестве примеров поручительств 1520–1540-х гг. (представлено всего 3 подобных записи) вряд ли подобная мера обеспечения лояльности представителей правящей элиты отличалась эффективностью. Опала на князя М. Л. Глинского в 1534 г., обвиненного

в попытке бегства к королю Сигизмунду, не привела к взиманию денег с лиц, «ручавшихся» за него ранее в 1527 г. [Кром 2010а, с. 105–108].

Всего к промежутку времени с 1562 по 1571 г. относилось 15 из 18 сохранившихся поручных записей. В нескольких случаях поручные записи выдавались для подтверждения прекращения опал. В январе 1562 г. в Литву собирался бежать И. Д. Бельский. В сентябре 1562 г. опала была наложена на князей М. М. и А. И. Воротынских «за их изменные дела». В следующем 1563 г. царский гнев затронул И. В. Большого Шереметева [ПСРА, с. 339–340; Курбский, с. 157–158]. После сожжения Москвы в 1571 г. в измене был обвинен И. Ф. Мстиславский: «государю... и всей Русской земле изменил, навел есми... безбожного крымского Девлет-Кирея царя» [СГГА, с. 561–564]. В других случаях причины и обстоятельства появления поручных записей остаются неизвестными.

Сопутствующие крестоцеловальные записи представлены в случае с И. Д. Бельским, И. П. Яковлевым и И. Ф. Мстиславским («проклятая грамота»). Только крестоцеловальная запись (без поручной грамоты) дошла от князя В. М. Глинского (1561 г.), который в чем-то «проступил» царю и великому князю [СГГА, с. 470–473, 484–487, 503–506, 561–564].

Представленная выборка поручных записей является неравномерной по времени своего создания. Из 10 случаев поруки (с учетом практики двойного поручительства) только один – записи по И. Ф. Мстиславскому – относился к маю 1571 г. Предшествующие ему записи, оформившие поруку по М. И. Воротынскому, были сделаны в 1566 г.

В промежуток с 1566 по 1571 г. не было представлено ни одной поручной записи. Большинство записей было составлено в короткий интервал между 1562 и 1566 гг. Характерно отсутствие упоминаний об оформлении поручных записей по высшим членам Государева двора после 1571 г. Очевидно, их дальнейшее применение было признано нецелесообразным.

При наличии особенностей, связанных с обстоятельствами их составления, хронологическая близость и принадлежность выручаемых персон к кругам правящей элиты позволяют рассматривать поручные записи 1560-х – начала 1570-х гг. как единый комплекс документов, отражающий происходившие изменения во внутривластной ситуации. Видна связь между начавшимися в 1560-е гг. масштабными репрессиями и возросшим числом прецедентов поруки, затронувших персон из ближайшего окружения Ивана IV [Ерусалимский, с. 5].

В этом контексте поручные записи не получили должного рассмотрения в исторической науке. С. Б. Веселовский справедливо отметил выборочность их использования историками, без оценки практического значения поручительства сотен лиц. Сам он дал общую характеристику феномена поручительства как «старого средства» московских князей для поддержания верности бояр и дворян. Сделанные им наблюдения о поручных записях кануна опричнины имели предварительный характер, оставляя простор для будущих исследователей [Веселовский, с. 124].

В последующих работах поручные записи также не стали предметом отдельного исследования. Как правило, историки, привлекавшие данные поручных записей в контексте изучения внутривластной ситуации при дворе Ивана Грозного в 1560-е – начале 1570-х гг., ограничивались упоминанием фактов оформления поруки по тем или иным представителям аристократии, домысливая иногда обстоятельства и причины возможных опал. В исторической литературе утвердилось, например, мнение об аресте в начале опричнины И. П. Яковлева, Л. А. Салтыкова и В. С. Серебряного. П. А. Садилов считал, что они «вяло и бесталанно руководили военными действиями против крымцев и Литвы осенью 1564 г.». Еще дальше пошел Р. Г. Скрынников. Он писал об аресте в феврале 1565 г. боярина князя Серебряного, которого вскоре выпустили из темницы. Заключение в тюрьму, по его мнению, подвергся и Л. А. Салты-

ков. Это утверждение было позднее повторено А. Л. Корзининым. Описываемые инциденты не получили отражения в источниках и представляют собой авторскую реконструкцию (без необходимых в этом случае пояснений) происходивших событий [Садилов, с. 22–23; Скрынников, с. 225–226, 242, 257; Корзинин 2017, с. 157].

Весьма поверхностным является проделанный А. А. Зиминим обзор поручных записей. В большинстве случаев он сводился к перечислению задействованных в них лиц. При рассмотрении первой из поручных записей по И. Д. Бельскому им была определена принадлежность поручителей к разным служилым «городам». В дальнейшем эта тема не получила продолжения [Зимин 2001, с. 71, 74–75, 80, 97–98, 107, 277]. Ряд ценных наблюдений о поручных записях 1560-х – начала 1570-х гг. был сделан в контексте изучения персонального состава опричного и земского дворов [Бибилов, с. 14; Кобрин, с. 13; Корзинин 2017, с. 157].

Общей особенностью привлечения поручных записей в качестве исторического источника являлся акцент на политической подоплеке их возникновения. Очевидно, что далеко не всегда эти записи были связаны с опалами. Стоит согласиться с мнением А. А. Зимина, который называл поручные записи по И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву «полусимволическими». Эти представители правящей элиты не были замечены в проступках. После оформления «поруки» они вошли в число доверенных лиц царя, а затем были приняты в опричину. Обе записи хранились отдельно от общего массива «грамот поручных» и не упоминаются в описи Царского архива [ГАР, ч. 1, с. 49].

Примеры И. П. Охлябина и З. И. Очина-Плещеева не были, видимо, исключениями в своем ряду. В первые месяцы после введения опричины было составлено несколько поручных записей для членов Боярской Думы, которые должны были подтвердить свою лояльность царю и великому князю. Судя по назначениям, В. С. Серебряный, например, не прерывал карьеру в 1564–1565 гг. Весной 1565 г. он находился с полками в Коломне [РК 1475–1598, с. 204, 205, 208, 211, 216–219]. Избежал серьезной опалы, похоже, и Л. А. Салтыков. Он был отослан Иваном IV из состава свиты во время поездки в Александрову слободу. За ним было сохранено место в Боярской Думе. А. А. Зимин, а вслед за ним и другие историки считали, что в опале он лишился чина оружничего. Вероятно, оружничим он не был уже в конце 1564 г., когда выполнял обязанности большого дворецкого [Зимин 2001, с. 97, 325].

Видна близость состава поручителей в записях по Салтыковым и князьям Серебряным. Сразу 18 человек были поручителями в обеих записях¹. Судя по всему, обе они были составлены в самом начале 1565 г., в первые недели после учреждения опричины. Из лиц, перечисленных в поручной записи по Салтыковым, Богдан Шепяков Сабуров 25 октября 1564 г. вернулся с посольством из «Ногаи» [ПСРА, с. 390]. Уже 13 марта 1565 г. во время замены воевод в Велиж должен был отправиться князь М. В. Жижемский. Одним из воевод в Казани на «годовании» стал также князь Ф. И. Троекуров [РК 1475–1598, с. 214].

Трудно допустить, что поручные записи могли оформляться без личного участия Ивана IV, который вернулся в Москву из Александровой слободы в начале февраля 1565 г. [Зимин 2001, с. 90, 320].

Маркером статуса являлось обозначение в поручных записях. Л. А. Салтыков, В. С. Серебряный, З. И. Очин-Плещеев были названы боярами. Остальные вырочаемые лица, известные ранее как члены Боярской Думы, – И. Д. Бельский, А. И. Воротынский, И. В. Шереметев, И. П. Яковлев, М. И. Воротынский и И. Ф. Мстиславский – именовались по имени и отчеству, но без упоминания об их боярстве. Представители первой группы, таким образом, не воспри-

¹ В. Г. Кушник Вердеревский, Д. Ф. Чихачов, Ф. И. Берсенева, И. Т. Загряжский, Н. Г. Яхонтов, Шемет Мотыкин, М. Будаев Болотников, Д. Г. Терпигорев, С. Г. Квашнин, Г. Т. Лопухин, Б. К. Кольчев, В. Ширяев Нелединский, Незомай Дурново, Б. Шепяков Сабуров, И. П. Протасьев, К. А. Языков, Д. Ю. Перепечин, Ждан Квашнин.

нимались как «изменники». В случае И. П. Яковлева и И. Ф. Мстиславского дополнительно подчеркнута использовались сокращенные варианты их отчеств без характерного суффикса «вич» – «Ивана Петрова Яковля» и «Ивана Федорова Мстиславского» [Поручные записи, с. 15, 18, 22, 25, 30, 32, 38, 43, 50, 56, 57, 59, 64, 68].

Отмеченное деление на две группы в большинстве примеров подтверждается различными способами оформления поручных записей. В случаях с И. Д. Бельским (в незаконченном виде), А. И. Воротынским, И. В. Шереметевым, М. И. Воротынским и И. Ф. Мстиславским была задействована двуступенчатая модель. Члены Боярской Думы и лица из высших эшелонов Государева двора выступали поручителями 1-го уровня, «выручая» опальных вельмож у царских приставов. Общая сумма в этом случае обозначалась, но не расписывалась по отдельным лицам. Затем подключались менее знатные поручители 2-го уровня, которые «подручались» с конкретными суммами [Поручные записи, с. 15–37, 57–79].

По более упрощенной схеме, без применения системы двойного поручительства, были составлены поручные записи по Салтыковым, князьям Серебряным, И. П. Яковлеву, И. П. Охлябинину и З. И. Очину-Плещееву. В записи по И. П. Яковлеву в качестве поручителей были обозначены члены Боярской Думы, которые, однако, были записаны в общем списке [Поручные записи, с. 37–56].

Спецификой двух поручных записей по И. Д. Бельскому было дублирование в них значительного числа имен. Всего в первой записи было отмечено 34 поручителя. Двадцать семь из них фигурировали и во второй записи, где их имена были рассредоточены по всему тексту. Другие 6 поручителей: князя П. И. Микулинский, Ю. И. Кашин, М. П. Репнин, В. В. Морозов, И. М. Троекуров, И. П. Звенигородский – были обозначены здесь как поручители 1-го уровня, хотя отдельная грамота с их участием отсутствует в сохранившемся комплексе поручных записей из Царского архива. Еще один поручитель из первой записи – Г. А. Колтовский – отсутствовал в списке «поручников» второй записи. Его имя, однако, проявилось при перечислении денежной раскладки. В первой поручной записи отсутствовала также разбивка обозначенной денежной суммы в 10 000 рублей. В обеих записях совпадали имена послухов [Поручные записи, с. 15–22].

Первая поручная запись по И. Д. Бельскому, очевидно, не устроила организаторов «поручки» и была оперативно переделана [Зимин 2001, с. 71]. Скорее всего, на ее основе должны были быть сформированы сразу две поручные записи с участием поручителей 1-го и 2-го уровней. Причиной могла стать несоразмерность сумм, которыми должны были «ручаться» отдельные поручители. В первой записи на каждого из них должно было приходиться в среднем по 303 рубля. Для некоторых из поручителей, особенно из числа детей боярских невысокого ранга, эта сумма была слишком крупной.

Обе сохранившиеся поручные записи были датированы 20 марта 1562 г. Очевидны проблемы, с которыми столкнулись лица, ответственные за сбор поручителей. В течение дня им необходимо было найти дополнительно 86 человек, которые могли выступить в качестве поручителей. Интересно отметить, что подписи (рукоприкладства) поручителей стояли именно на первой поручной записи и отсутствовали во второй. С учетом «выпавшего» Г. А. Колтовского количество собранных обязательств превысило на 100 рублей обозначенный итог общей суммы.

Не исключено, что отмеченные особенности были вызваны спешкой в преддверии намечавшегося большого похода в Литву. Крестоцеловальная запись И. Д. Бельского была составлена позднее, в апреле 1562 г., хотя именно заступничество со стороны иерархов Церкви являлось формальным основанием для начала процедуры поручительства [СГГА, с. 487].

Записи по Л. А. Салтыкову с детьми, И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву существенно выделялись из общего ряда по суммам поруки. Верность Салтыковых была оценена в 5000 рублей, в 2 раза ниже, чем в большинстве других примеров, И. П. Охлябина – в 2000 рублей, а З. И. Очина-Плещеева – в 4000 рублей. Набрать необходимое число поручителей в этих случаях было значительно проще [Бенцианов, с. 41].

Максимальная сумма поруки (24 800 рублей) была зафиксирована в поручной записи по князьям Серебряным. В ней не хватало 1–2 поручителей, чтобы достичь итоговых кратных 25 000 рублей. Та же ситуация повторилась в записи по И. П. Яковлеву, где до 10 000 рублей не хватило 20 рублей. Процедура сбора поручителей в обеих грамотах, вероятно, не была завершена до конца. В них также отсутствовала информация об итоговой цифре раскладки на всех поручителей [Поручные записи, с. 41–54].

Высокий размер «поруки» по князьям Серебряным, скорее всего, был связан с недоверием Ивана IV к князьям Оболенским. В 1562 г. в монахи были пострижены князь Д. И. Курлятев и его сыновья. Были убиты князья М. П. Репнин, Д. Ф. Овчинин-Телепнев, Ю. И. Кашин, П. И. Горенский, Н. Ф. И. А. Ф. Черного Оболенские. В начале опричнины очередь дошла до князей И. И. Сухого Кашина и Д. Ф. Шевырева Щепина (двоюродный брат В. С. Серебряного). В монахи был пострижен князь Д. И. Ёрш Немого. Еще одному представителю рода – князю М. А. Ноготкову – удался побег в Литву [Веселовский, с. 148–149].

В целом сохранившиеся поручные записи 1560-х – начала 1570-х гг. отличались небрежностью и незаконченностью в оформлении. Вполне вероятно, их тексты составлялись на основе черновых набросков, формировавшихся несколькими лицами, которые работали с отдельными группами поручителей. Это предположение объясняет расхождения при перечислении имен. Помимо примера с Г. А. Колтовским существовало еще несколько подобных прецедентов. В записи по князьям Серебряным дважды фигурировал Истома Григорьев Савлуков (в первый раз «ручался» 200 рублями, во второй – только 100 рублями), по М. И. Воротыньскому – князь А. В. Гагарин, по И. Ф. Мстиславскому – Я. Нехорошего Лодыгин и, вероятно, И. В. Назимов [Поручные записи, с. 42, 43, 44, 45, 58, 59, 66, 68, 71, 72, 73, 76, 77].

Процедура предусматривала явку поручителей назначенным для этой процедуры боярам. Очевидно, в некоторых случаях они имели дело со списками поручителей, которые не проверялись должным образом.

Подписи (рукоприкладства), похоже, также собирались отдельно от составления общей части записей. Такая практика была распространена в случае с духовенством. Новгородский архиепископ Пимен отправил грамоту со своей подписью к крестоцеловальной записи И. П. Яковлева 2 июня, хотя сама запись была составлена еще 28 марта 1565 г. [СГГА, с. 507].

Вряд ли в случае со служилыми людьми задержка оказывалась столь же значительной. Скорее всего, поручители набирались из лиц, присутствовавших на момент оформления поруки в Москве. Расхождения между очередностью в написании имен в основной части записей и в подписях (рукоприкладствах) на обороте свидетельствуют, что эти события могли расходиться во времени. Подобным образом, видимо, оформлялись и некоторые другие записи. В приговоре Земского собора 1566 г. отсутствовало имя боярина И. П. Федорова, хотя его подпись стояла под этим документом [Корзинин 2012, с. 5; СГГА, с. 545–556].

Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается на примере близких родственников. В поручной записи по И. В. Большому Шереметеву отдельно стояли рукоприкладства братьев Заболоцких, А. Облязова Лодыгина и его сына Ивана, братьев Никитиных Мясного и Аксаковых, хотя ранее они упоминались вместе [Поручные записи, с. 31, 32, 36]. Та же ситуация повторилась в случае с поручной записью по Салтыковым. На удалении друг от друга находились

подписи Марковых, Мисюря Дроздова и его сына Федора [Поручные записи, с. 37, 38, 40]. В записи по князьям Серебряным отдельно стояли подписи Внуковых, а в случае с И. П. Яковлевым тех же Дроздовых, а также Безсоньевых [Поручные записи, с. 42, 47, 49, 50, 52, 53].

Подписи впервые появляются в 1-й поручной записи по И. Д. Бельскому. В поручных записях предыдущих десятилетий эта дополнительная мера защиты отсутствовала. Как в первом прецеденте такого рода, в записи по И. Д. Бельскому было представлено очень большое число подписей поручителей и послухов. Из 34 поручителей свои подписи здесь поставили 26 человек (76,5 %) [Поручные записи, с. 15–16]. В других поручных записях 1560-х – начала 1570-х гг., за исключением поручителей 1-го уровня, количество подписей в процентном соотношении было существенно меньше. Из общего ряда выбивались запись по будущему опричнику И. П. Охлябину. Она, видимо, была первой из подобных записей, распространенных на будущих членов опричного корпуса.

С другой стороны, количество подписей в последних земских поручных записях отражало возросший формализм процедуры. В записи по М. И. Воротынскому подписи поставили только 42 человека (43 с учетом брата князя А. В. Гагарина Богдана), 37,1 % от общего числа. В записи по И. Ф. Мстиславскому произошло дальнейшее падение. Только 88 детей боярских (31,1 %) отметились здесь своими подписями.

В записи по И. П. Яковлеву было сделано пояснение, объяснявшее возникшую ситуацию: «которые князи и дети боярские в сей записи написаны, а у записи рук их нет, и те... сказали, что оне Ивана Петрова ручали, а у записи рук их нет, потому что оне грамоте не умеют» [Поручные записи, с. 52]. Вряд ли этот комментарий можно воспринимать как свидетельство низкого уровня распространения грамотности в Русском государстве второй половины XVI в. Скорее он прикрывал в ряде случаев не слишком добросовестную работу исполнителей, отвечающих за оформление поручных записей. Именно в случае с «порукой» по И. П. Яковлеву организаторам удалось собрать минимальное для середины 1560-х гг. количество подписей в соотношении с числом привлеченных поручителей.

Сопоставление между собой различных поручных записей с участием одних и тех же лиц показывает, что они вполне могли зафиксировать в них свое участие. Князь М. В. Жижемский, например, подписал только поручную запись по М. И. Воротынскому. В трех других случаях поручительства его подпись отсутствовала. Точно так же подпись П. Л. Меньшого Проестева фигурировала только однажды – в записи по А. И. Воротынскому, хотя сам он еще трижды выступал в 1560-е гг. В качестве поручителя. А. А. Булгак Каракадымов из четырех своих поручительств поставил свою подпись дважды [Поручные записи, с. 29, 36, 63, 64]. Грамотным, безусловно, был книжник воевода князь Ю. И. Токмаков, поручитель по М. И. Воротынскому [Поручные записи, с. 46, 53, 63].

В самой записи по И. П. Яковлеву ее составителям не удалось получить подписи М. Г. Кульнева, М. В. Шатилова, А. М. Игнатьева. Из других источников грамотность подтверждается для В. Я. Измайлова и И. Г. Большого Пелепелицына.

Не исключено, что при подобном подходе часть поручителей могла быть внесена в общие списки заочно, со слов своих родственников и знакомых, без своего личного участия.

Изучение комплекса поручных записей 1560-х – начала 1570-х гг. показывает, что «порука» была прерогативой служилых людей. Единственный пример включения выходцев из других социальных слоев был представлен в записи по князьям Серебряным, где среди поручителей отметилось несколько столичных купцов [Поручные записи, с. 43]. Их участие, скорее всего, было обусловлено короткими сроками оформления поруки и недостатком детей боярских.

Среди поручителей отсутствовали служилые люди Владимира Старицкого, что объяснялось, видимо, антиудельной направленностью поручных и сопутствующих им крестоцеловальных записей.

подавляющее большинство поручителей принадлежало к числу служилых людей, находившихся на царской службе. Были представлены также служилые люди (дети боярские и дьяки) митрополичьей кафедры. Их присутствие фиксируется с апреля 1563 г. – поручная запись по А. И. Воротынскому. Далее они встречались в поручных записях по Л. А. Салтыкову с сыном, И. П. Яковлеву и М. И. Воротынскому. Всего было задействовано 13 человек [Поручные записи, с. 24, 37, 38, 48, 49, 58].

Их участие явно было санкционировано как центральным правительством, так и митрополичьими властями. В поручных записях по А. И. Воротынскому и Салтыковым митрополичьи дети боярские были отмечены в составе компактных групп². Их привлечение было связано с развернувшейся в 1560-е гг. дискуссией о праве митрополитов на «печалование» по опальным вельможам из царского окружения. Согласие Ивана IV сохранить это традиционное право настоятелей Церкви, очевидно, привело к дополнительному обременению митрополичьих слуг – «ручаться» своим имуществом за этих лиц. В поручной записи по И. Ф. Мстиславскому (1571 г.) отсутствовали дети боярские митрополичьей кафедры, хотя некоторые из них должны были находиться в Москве. К этому времени вопрос о «печаловании» уже утратил свою актуальность.

Важной отличительной чертой записей 1560-х – начала 1570-х гг. является отсутствие среди поручителей государевых дьяков. В поручных записях предшествующих десятилетий они играли весьма заметную роль. В записях по князьям М. Л. Глинскому и И. И. Пронскому дьяки выступали отдельными, компактными группами. Их привлечение в качестве поручителей, скорее всего, производилось централизованно [Бенцианов, с. 43, 44, 56]. В 1560-е – начале 1570-х гг. ситуация изменилась с точностью до наоборот. Некоторые из «больших» московских дьяков явно имели служебные и дружеские связи с выручаемыми персонами. Стоит предположить, что существовал прямой запрет на их участие в качестве поручителей, что должно было подчеркивать «частный» характер самой процедуры.

Причины появления поручных записей имели ситуативный характер и не привели к возникновению общей поруки представителей круга высшей аристократии, по аналогии с распространенной системой поручительства в территориальных служилых корпорациях второй половины 1570-х гг.

Значительная часть правящей элиты не была задействована в поручных записях. Члены Боярской Думы достаточно слабо проявили себя как поручители, хотя именно их «коллеги» чаще всего упоминались здесь в качестве выручаемых персон. За исключением И. П. Охлябина все фигуранты поручных записей, в прошлом или в настоящем времени, были членами Боярской Думы. Из более 70 представителей этого высшего совета, действовавших в 1560-е – начале 1570-х гг., поручителями в разных записях выступили только 23 человека³. Из них всего лишь четверо отметились в этом качестве более одного раза: И. П. Федоров – трижды, князя И. Д. Бельский, Ю. И. Кашин, М. П. Репнин, а также А. А. Бутурлин – дважды [Поручные

² По А. И. Воротынскому – Второй Вяткин, Ф. Мисюрев Дроздов, Е. А. Соболев, А. Н. и Ф. А. Чертовы, по Салтыковым – Мисюрь Дроздов и его сыновья Федор и Второй, М. Ю. Мануйлов и Д. Ю. Перепечин.

³ Князя П. И. Микулинский, Ю. И. Кашин, М. П. Репнин, И. М. Троекуров, И. П. Звенигородский, И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, А. И. Ногтев, Д. И. Немой Оболенский, И. И. Пронский, И. А. Шуйский, Д. И. Хворостинин, Н. Р. Одоевский и нетитулованные В. В. Морозов, А. Д. Басманов, И. Я. Чеботов, И. П. Федоров, Я. А. Салтыков, А. А. Бутурлин, И. В. Меньшой Шереметев, В. Ю. Траханиот, М. И. Колычев, М. Я. Морозов.

записи, с. 15, 22, 30, 48, 57]. Отсутствовали примеры перекрестного поручительства членов Боярской Думы.

Проявленная отстраненность объяснялась желанием оградить себя от возможных обвинений. Отзвуки подобной позиции хорошо видны в приписках к завещанию М. И. Воротынского. Его душеприказчики И. Ф. Мстиславский и Н. Р. Юрьев отказались взять на себя ответственность распорядиться делами после его возможной смерти: «А что есмь в своей духовной писал в приказшики князя Ивана Федоровича Мстиславского да Микиту Романовича Юрьева в лето 7074-го, и после того князь Иван Федорович и Микита Романович мне говорили: в духовную себя в приказшики писати не велели» [АСЗ, т. 3, с. 74, 76]. Известно, что Н. Р. Юрьев находился в близком родстве с князьями Воротынскими (матерью М. И. Воротынского была Анастасия Юрьева – двоюродная сестра Н. Р. Юрьева), что, впрочем, не сказалось на его поведении [Зимин 1988, с. 133].

Отмеченная приписка была сделана после опалы 1562–1566 гг. В 1573 г. опасения И. Ф. Мстиславского и Н. Р. Юрьева полностью подтвердились. Триумфатор битвы при Молодях был арестован и умер по дороге в ссылку на Белоозеро [Скрынников, с. 476–477].

Близкие родственники опальных вельмож, входившие в состав Боярской Думы, предпочитали держаться от них в стороне. Среди поручителей первого уровня по И. В. Большому Шереметеву в 1564 г. были два его брата – Федор и Иван Меньшой (боярин с 1558 г.). Этот пример является, однако, единственным в своем роде [Поручные записи, с. 30].

В поручной записи 1562 г. по И. Д. Бельскому отсутствовали многие связанные с ним лица – зятя бояре В. М. Юрьев и М. Я. Морозов, двоюродный брат его жены Марфы боярин князь П. И. Шуйский. В свойстве с ним через Челядних находился также боярин и конюший И. П. Федоров [Веселовский, с. 129].

Линия родства Юрьевых-Захарьиных и князей Воротынских была представлена сразу несколькими примерами. Близкими родственниками Воротынских являлись боярин В. М. Юрьев, а также окольный (позднее боярин) Н. Р. Юрьев. В более отдаленном родстве находились с ними боярин А. М. Курбский и окольный М. М. Тучков [Переписка, с. 109].

В свойстве с Воротынскими были окольный князь В. А. Сицкий (женат на сестре царицы Анастасии), а также бояре князя А. Б. Горбатый и И. Ф. Мстиславский, окольный П. П. Головин (через брак Н. Р. Юрьева с княжной Евдокией Горбатой), не говоря уже о большой группе менее знатных лиц [Веселовский, с. 124, 146]. В поручной записи по князьям Серебряным отсутствовали их однородцы князя Оболенские. Их участие, впрочем, могло скорее навредить В. С. Серебряному.

Больше примеров связей между поручителями и выручаемыми ими персонами можно найти за пределами Боярской Думы. В ряду поручных записей 1560-х – начала 1570-х гг. наибольшее число примеров горизонтальных связей прослеживается в записях по Салтыковым, И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву, имевших отмеченные ранее особенности.

Среди 82 поручителей по Л. А. Салтыкову 5 человек (6,1 %) принадлежали, как и он сам, к роду Морозовых: Ю. Ф. И Ф. А. Дмитриевы, И. В. Шеин, А. С. И В. Ю. Козловы. При этом Козловы-Морозовы были соседями Салтыковых по владениям в Деревенском стане Коломенского уезда. Здесь же находилась вотчина Д. И. Маркова, еще одного поручителя из этой записи. Коломенскими землевладельцами были также П. А. Меньшой Проестев, Ф. И. Берсенева и Е. М. Замятня Отрепьев [ПКМГ, с. 338, 376, 458–459, 592; Антонов 2002, с. 238].

Поручные записи по И. П. Охлябину дают еще больше подобных примеров. Среди 28 поручителей его однородцами (из ветви князей Ухорских-Ярославских) были 6 человек (21,4 %): князя Д. И., Ф. И., А. И., П. И. Хворостинины, а также М. Д. И В. А. Охлябины.

В случае с З. И. Очиным-Плещеевым точно преобладали выходцы из Плещеевых – 6 из 26 поручителей (23,1 %): И. Н. И О. Н. Павлиновы, А. И. Охотин, И. И. И Т. И. Очины и М. Т. Плещеев.

В исторической литературе мнение об «опричном» характере поручных записей по И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву было представлено еще Г. Н. Бибиковым, а затем поддержано В. Б. Кобриним, А. Л. Корзининым и рядом других исследователей. А. А. Зимин высказал по этому поводу несколько критических замечаний [Бибиков, с. 7–8; Кобрин, с. 13; Корзинин 2016, с. 274; Зимин 2001, с. 131–132]. Недостаток биографических данных по задействованным в них лицам не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. Некоторые из поручителей, похоже, не являлись опричниками. В 1567 г. Замятня Горбатого был приставом у литовского гонца вместе с Г. Д. Темиревым [Сб. РИО, т. 71, с. 522]. Сама должность приставов находилась в земском ведении. «Товарищ» Замятни Г. Д. Темирев также, похоже, не входил в опричный корпус. Позднее он стал одной из жертв опричного террора [Веселовский, с. 453].

Не очень понятно, находились ли в опричнине С. И. Наумов и Г. В. Хитрово. Оба они были задействованы в поручных записях первых месяцев 1565 г. С. И. Наумов был поручителем по Л. А. Салтыкову, а Н. В. Хитрово, «взяметин», – по И. П. Яковлеву [Поручные записи, с. 37, 48]. Тем не менее к 1566 г. они вполне могли пополнить собой число опричников. Для членов семьи Хитрово это предположение подкрепляется их последующими поземельными связями. Сам Никита в 1577 г. был выборным дворянином по Вязьме [Станиславский 2004, с. 199]. Его брат Григорий упоминался в тексте вяземской писцовой книги середины 1590-х гг., датированном 1565/1566 г.⁴ После перехода Вяземского уезда в опричное ведомство они, таким образом, остались в составе местной служилой корпорации.

Для большинства поручителей в поручных записях по И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву связь с опричной средой (прямая или опосредованная) выглядит, тем не менее, убедительной. В обеих записях поручителями выступали одни и те же лица: И. Н. Павлинов, И. А. Захаров, Н. Г. Хитрово, Г. В. Хитрово, Третьяк Ртищев (17,9 и 19,2 % от общего числа поручителей соответственно). В качестве послуха в них присутствовал Безсон Еремеев Лужецкий [Поручные записи, с. 54–56].

Участие значительного числа лиц в записях по И. П. Охлябину и З. И. Очину-Плещееву было, таким образом, обусловлено связями с персонами, переходящими в состав опричного корпуса.

Из других поручных записей стоит констатировать наличие связей между М. И. Воротынским и сыновьями князя Д. Ф. Палецкого. Послухами в завещании князя Воротынского в редакции от июня 1566 г. были Андрей и Борис Палецкие [АСЗ, т. 3, с. 74]. Позднее М. И. Воротынский сделал вклад в 100 рублей по душе Василия Палецкого [Сахаров, с. 63]⁵. Все трое братьев «выручали» этого опального вельможу в апреле 1566 г., причем В. Д. Палецкий находился среди поручителей первого уровня. В поручной записи фигурировал также И. П. Новосильцев, еще один послух из завещания М. И. Воротынского [Поручные записи, с. 57, 58].

Вполне вероятно, что с князьями Воротынскими была связана семья князя С. (Богдана) А. Трубецкого. В 1534 г. он, как и некоторые другие представители «литовских» родов, в том числе И. М. Воротынский с сыновьями, подвергся опале. В 1543 г. синхронно с братьями Воротынскими Богдан Трубецкой вновь появился в разрядах [Кром 2010а, с. 108, 138]. А. С. Тру-

⁴ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 1. Кн. 619. Л. 89, 96 об. Разбор детей боярских из уездов, взятых в опричнину при ее учреждении, очевидно, был произведен далеко не сразу. Кроме Н. В. Хитрово поручителем по И. П. Яковлеву был Ануфрий Четвертаков Соколов, позднее известный как «опришнинец» [Козляков, с. 120].

⁵ ОР РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 78/1317. Л. 42 об.

бецкой отметился в качестве послуха в поручных записях по обоим князьям Воротынским [Поручные записи, с. 23, 57].

подавляющее большинство выявленных примеров относилось к поручным записям, которые носили скорее формальный характер. Меньшее распространение имели случаи поручительства родственников (Ф. В. и И. В. Меньшой Шереметевы по И. В. Большому Шереметеву) и других связанных лиц (братья Палецкие и И. П. Новосильцев) по вельможам, получившим прощение от Ивана IV.

Обращают внимание поземельные связи поручителей в поручных записях по князьям Воротынским. В случае с поручной записью по А. И. Воротынскому большое число детей боярских относилось к уездам, входившим когда-то в состав Воротынского княжества или находящимся в непосредственной близости от него. Князья Воротынские, еще будучи на литовской службе, не ограничивали свое влияние только наследственными землями. В 1480-е гг. они сохраняли за собой должность наместника Козельска. Та же ситуация повторилась и на московской службе [Кром 2010б, с. 92]. В 1490-е гг. князь Д. Ф. Воротынский «держал» козельские волости [Сб. РИО, т. 35, с. 136–137]. В 1533 г. поместья «княж Ивановских людей Воротынского» располагались в «Мещоску и Козельску» [АСЗ, т. 4, с. 317]. В Дворовой тетради 1550-х гг. по Мещовску были зафиксированы потомки «вассалов» воротынских князей братья П. Г. и С. Г. Совины [ТКДТ, с. 172].

Из поручителей по А. И. Воротынскому, по данным Дворовой тетради, по Воротынску служили С. Г. Совин и Утеш Капустин [ТКДТ, с. 172]. Позднее, в 1577 г., по этому городу был отмечен также Алай Лодыженский [Станиславский 2004, с. 197]. По Козельску в Дворовой тетради были записаны поручители М. И. Истомины Беклемишевы, М. Г. Кульнев, Ф. Д. Зезевитов и Г. П. Тургенев [ТКДТ, с. 171–172]. «Козлителями» были также Д. Ф. Тургенев и его родственники Н. В. и М. В. Тургеневы [АСЗ, т. 3, с. 437]. В 1577 г. Н. В. и Д. Ф. Тургеневы числились выборными дворянами по Воротынску [Станиславский 2004, с. 197].

Связи с Козельском устанавливаются и для других лиц. В казанском походе 1552 г. среди погибших «козличей» находился Дмитрий Иванов Чичерин [ПИРСС, с. 182]. Среди поручителей значился его сын Полянин Дмитриев Чичерин [Поручные записи, с. 24]. По родословной легенде предок Желябовских (Желябужских) был испомещен в Козельском уезде. В конце XVI в. поместьями в этом уезде владели Желябовские [АФЗХ, с. 449–450]. Не исключено, соответственно, что к этой служилой корпорации относился в 1560-е гг. и Утеш Федоров Желябовский.

В деле о рухляди детей боярских «козличей» и «воротынцев», пограбивших в 1520 г. жителей Мещовска, упоминается Мишин сын Обухов Федка. Очень вероятно, что это был отец Ивана Федорова Обухова [Зимин 1960, с. 147]. Василий Хохлов погиб в 1500 г. в сражении на Озерне во время набега татар на козельскую волость Олешня [ПИРСС, с. 175].

По Мещовску служили В. М. Безобразов и Ждан Михалчуков [ТКДТ, с. 172, 173]. Позднее здесь же были отмечены Бурдуковы и Хохловы [Станиславский 1974, с. 296, 297, 299].

С «верховскими» княжествами были связаны Воейковы. Большое число представителей этого рода в начале XVII в. владело поместьями в Козельском уезде. В 1557 г. Б. Т. Воейков сделал вклад в белевский Спасо-Преображенский монастырь. В 1563/1564 г. упоминается бывшее поместье М. Воейкова в Белевском уезде [Маштафаров, с. 50]. В писцовой книге Лихвинского уезда 1626–1627 гг. фигурировало порозжее поместье А. Воейкова [Антонов 2001, с. 271].

Какие-то патрон-клиентские (вассальные?) отношения сложились у Воротынских и князей Мосальских. Еще в Великом княжестве Литовском Мосальск считался владением С. Ф. Воротынского. В местническом деле Р. В. Олферьев утверждал, что «Масальские князи служили

Воротынскому» [Дихачев, с. 464]. Это утверждение не вызвало возражений со стороны его оппонента князя В. В. Кольца Мосальского. Поручителями по А. И. Воротынскому выступали О. Д. И С. А. Мосальские [Поручные записи, с. 24].

За исключением С. Г. Совина, Утеша Капустина и, возможно, некоторых городовых детей боярских, подавляющее большинство названных лиц не имело отношения к бывшим «вассалам» воротынских князей. Некоторые из них сравнительно недавно переселились на новое место службы. Их участие могло быть вызвано признанием важной роли, которую играли князья Воротынские в обороне приокских рубежей.

В случае с поручной записью по Михаилу Воротынскому ситуация была менее однозначной. К апрелю 1566 г. Козельский уезд перешел в опричное ведомство. Из прежних поручителей по М. И. Воротынскому «ручался» только Д. Ф. Тургенев, который к этому времени переехал на службу в земский Воротынск. Из новых лиц по Козельску (и Воротынску в Тысячной книге 1550 г.) в Дворовой тетради был записан А. И. Еропкин [ТКДТ, с. 73, 171].

В более широкой перспективе круг поручителей из южных уездов в поручных записях по братьям Воротынским был также весьма представительен. С Калужским, Коломенским, Каширским, Тульским и Рязанским уездами в поручной записи по А. И. Воротынскому были связаны не менее 19 человек⁶. Те же «города» с добавлением Венева и Тарусы дали не менее 24 поручителей по М. И. Воротынскому⁷.

Трое из них – калужанин А. Исупов Новокрещенов и рязанцы А. А. Булгак Каракадымов и М. Т. Петров – были поручителями по обоим братьям [Поручные записи, с. 24, 58, 59].

При многочисленности подобных примеров не стоит преувеличивать их значение. Следуя той же логике, в поручной записи по И. П. Яковлеву можно насчитать не менее 44 поручителей, принадлежавших к тем же территориям (32,4 % от общего числа, включая нескольких членов Боярской Думы). Часть служебной карьеры этого вельможи, как и у большинства представителей воеводского корпуса высокого уровня, приходилась на береговую службу.

Продолжая наблюдения А. А. Зимина, необходимо оценить участие в поручных записях представителей тех или иных служилых корпораций. Примечания, отражающие их территориальную принадлежность, были сделаны в записях по И. П. Яковлеву, М. И. Воротынскому и И. Ф. Мстиславскому (в последних двух случаях в ограниченном виде). Фиксация служебной принадлежности поручителей в записи по И. П. Яковлеву была вызвана, видимо, началом опричных переселений. Характерными являются неопределенные пометы «вотчина во Владимире», «поместье в Мещеску» и т. д., которые показывают сомнения ее составителя в определении места их службы [Корзинин 2017, с. 157–158; Поручные записи, с. 48–50].

Выделение в марте 1565 г. детей боярских из Суздаля, Вязьмы, Малого Ярославца, Козельска, а также братьев Соколовых, «поместье в Медыни», многие из которых не вошли позднее в состав опричнины и были выселены в земские уезды, доказывает, что формирование опричного корпуса к этому времени не было завершено.

Анализ поручных записей 1560-х – начала 1570-х гг. показывает отсутствие в их текстах значительных компактных групп детей боярских из одной корпорации. Их привлечение в ка-

⁶ И. И. Челищев, Л. Ф. Волинский, А. Исупов Новокрещенов, В. И. Наумов, И. С. Нащокин, П. Л. Меньшой Проестев, князь И. Ф. Горчаков, князь П. И. Борятинский, С. В. И П. В. Зяблого, И. Е. Михнев, Л. Б. Хрущов, А. А. Булгак Каракадымов, Ф. М. Сунбулов, М. Т., И. Т. Соловой и Л. Т. Петровы, а также В. Я. И А. Я. Измайловы.

⁷ И. Десятого Головин (Головленков), А. Исупов Новокрещенов, Г. Г. Темир Колтовский, П. Г. Лихарев, А. Ф. Щепотев, князь Ю. И. Токмаков, Репчук Карпов, О. И. Исупов, В. Борьков, В. Крюков, А. Н. И А. Судокос Мяской, Тюмген и В. Г. Чулковы, В. В. Хрущев, князь В. Ю. Волконский, Ф. М. Булгаков, П. Г. И В. Г. Биркины, В. Г. Кушник Вердеревский, Ф. Д. Попцов, Я. В. Павлов, А. А. Булгак Каракадымов, М. Т. Петров, Меншик Тишняков.

честве поручителей в большинстве случаев не имело, видимо, организованного характера по служебно-территориальному принципу.

В поручной записи по И. П. Яковлеву компактно были перечислены 5 вяземских детей боярских: Н. И. О. Чурляевы, А. Г. Тарбеев, А. П. Хитрово, Д. Молоцкий, в то время как иные «вязьмичи» были отмечены в других частях текста [Поручные записи, с. 49].

Подобные примеры шире были представлены в более многочисленной по числу поручителей поручной записи по И. Ф. Мстиславскому, хотя и в этом случае не создавали впечатления их занесения сюда по отдельным спискам. Очень часто объединения происходили скорее по родственному, а не по служебно-территориальному принципу. В начале списка было зафиксировано четверо князей Мосальских. В группе из 5 торопчан четверо представляли фамилию Вельяминовых [Поручные записи, с. 65–66]. В целом же имена служилых людей одного «города» были разбросаны небольшими группами в разных местах.

Присутствие выходцев из одних и тех же «городов» в поручных записях, скорее всего, было обусловлено их появлением в Москве во время смотров или сбора для выступления в походы. Показательным является сопоставление данных по территориальной принадлежности поручителей из поручной записи по И. Ф. Мстиславскому с перечнем погибших в Москве в 1570 г. из синодика «по убиенных во брани» [ПИРСС, с. 209–212]. Видно, что оба документа составлялись примерно в одно и то же время, хотя и имеют некоторые отличия. Из крупных «городов» незначительно были представлены или отсутствовали нижегородцы, туляне и рязанцы, которые, очевидно, были перемещены в другие места дислокации.

Широта отмеченных в поручных записях служилых корпораций во многом могла быть вызвана случайными факторами. Известны единичные примеры поручительств выходцев из некоторых «городов». В записи по И. Ф. Мстиславскому присутствовал казанец Посник Соловцов. [Поручные записи, с. 67]. В записи по И. П. Яковлеву был зафиксирован Я. Б. Очкасов, «поместье в Вильяне» [Поручные записи, с. 51].

Расширение территории опричнины приводило к сужению представительства различных «городов», что особенно заметно в случаях с записями по М. И. Воротыньскому и И. Ф. Мстиславскому. В последнем случае среди поручителей 1-го уровня отметились опричники князя Н. Р. Одоевский и Д. И. Хворостинин [Зимин 2001, с. 277]⁸.

Часто среди поручителей присутствовали одни и те же лица, на что обратил внимание еще С. Б. Веселовский [Веселовский, с. 124]. Рекордсменом был В. Г. Кушник Вердеревский, который 5 раз «ручался» за опальных вельмож. Отстала от него группа из 7 детей боярских, которые четырежды отметились в качестве поручителей: князь М. В. Жижемский, П. Л. Меньшой Проестев, А. А. Булгак Каракадымов, И. И. Мятлев, Второй Вяткин, Д. Ф. Чихачов, князь А. С. Трубецкой.

Трижды поручителями выступали 22 человека. Еще более многочисленной была группа поручителей, дважды отметившихся в поручных записях. Всего в ее составе насчитывалось 112 человек.

Неоднократное участие поручителей в поручных записях 1560-х – начала 1570-х гг. имело не слишком распространенный характер. Общее количество поручителей в них составляло 1009 человек. Из этого внушительного массива поручителей несколько раз отметились в этом качестве всего 142 лица – 14,1 %. В целом в более поздних поручных записях прослеживается тенденция уменьшения числа повторяющихся поручительств, что, безусловно, было связано с реализацией опричных мероприятий.

⁸ В тексте А. А. Зимина князь Д. И. Хворостинин почему-то обозначен как князь А. П. Хованский [Зимин 2001, с. 277].

Итогом отмеченной тенденции стала поручная запись по И. Ф. Мстиславскому. Несмотря на максимальное число задействованных в ней лиц, общее число поручителей, отметившихся в предыдущих поручных записях, является в ней незначительным. Поручители в ней набирались из имеющихся в наличии служилых людей. По своему происхождению среди них заметно преобладали городовые дети боярские, которые не имели связей с придворным окружением. Стоит принимать во внимание потери в составе Государева двора после нескольких лет опричных репрессий, Ливонской войны и похода Девлет-Герая 1571 г. на Москву. Большую роль в этом процессе сыграло также исключение из поручителей детей боярских, служивших по опричному ведомству.

Менее очевидными выглядят связи значительной части отмеченных поручителей с придворным окружением. Видно, что некоторые лица из числа поручителей по своему положению котировались не слишком высоко.

За орбитой Государева двора находились митрополичьи дети боярские. Из них Второй Андреев Вяткин был задействован в качестве поручителя четыре раза, Ф. Мисюрев Дроздов и Шеремет Вяткин – по три, а Мисюрь Дроздов и его сын Второй – по два раза [Поручные записи, с. 24, 37, 38, 48, 49, 58].

Десять человек представляли северо-западные уезды страны (новгородские пятины, Псков, Великие Луки, Пустая Ржева и Торопец)⁹. Их немногочисленность, 7 % от общего числа, подтверждает вывод о слабой связи этих территорий с Государевым двором [Павлов, с. 92–94]. Характерно, что из всех детей боярских Северо-Запада лишь пусторжевский помещик Д. Ф. Чихачев выступал в качестве поручителя более двух раз, а опыт службы головой в полках имел к 1560-м гг. только Г. О. Мамыш Адауров [Поручные записи, с. 38, 41, 49, 59; РК 1475–1598, с. 181, 191, 216, 226].

Среди поручителей из городов «Московской земли» присутствовало значительное число городских детей боярских. В 1550-е гг. по «городовым» спискам были отмечены Фустовы (в том числе братья И. Т. Фустова) и Репчюк Карпов [Каширская десятня, с. 30, 34, 42]. Фустовы числились среди городских и в десятне 1570 г.

Вероятно, «городовыми» были также Булгак и Третьяк Извольские, Ф. П. Яричев, И. О. Буцнев, М. Будаев Болотников, Незомай Дурного, И. П. Протасьев, К. А. Языков, Третьяк Тумский, Суторма Безсоньев, Ф. Волков Внуков, М. Г. Иванов, близкие родственники которых отсутствовали в Дворовой тетради.

К моменту появления в поручных записях лишь некоторые из них выполняли службы, характерные для выборных дворян. Разрядные назначения фиксируются у Д. И. Фустова и Булгака Извольского [РК 1475–1598, с. 187, 202, 218, 235]. Суторма Безсоньев в 1560-е гг. описывал Белозерский уезд, а Третьяк Тумский в 1565 г. был приставом у крымских гонцов [Шумаков, с. 77, 120, 123]¹⁰. Не слишком преуспели по службе и многие дворовые дети боярские, чьи имена встречались в Дворовой тетради 1550-х гг. С. И. Наумов, например, еще в 1556 г. выполнял обязанности губного старосты в Калужском уезде [Боярская книга, с. 114].

⁹ Г. О. Мамыш Адауров, Н. В. Сорочнев, Д. Ф. Чихачев, Г. Я. Назимов, В. Ширяев Нелединский, И. А. И. М. В. Шатиловы, Г. Т. Лопухин, Ждан Квашнин, А. М. Игнатъев.

¹⁰ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа и Посольской канцелярии). Оп. 1. Кн. 11. Л. 306.

Всего из условно «дворовых» детей боярских этой группы разрядные, административные и дипломатические назначения, а также упоминания в боярских списках 1560-х – начале 1570-х гг. отсутствовали не менее чем у 31 поручителя¹¹.

Показательно, но упомянутый лидер по числу поручительств В. Г. Кушник Вердеревский имел весьма скромный послужной список. В начале 1550-х гг. он отказался от данного ему в кормление меха коломенского. В боярской книге 1556/1557 г. числился в 18-й статье [Боярская книга, с. 115]. Единственное его разрядное назначение пришлось на 1568 г., когда он был назначен головой в Данков [РК 1475–1605, с. 238]. Кроме отмеченных фактов поручительства отсутствуют данные о его возможных связях с кругами правящей элиты.

Трудно согласиться в этой связи с выводом С. Б. Веселовского о «густой сети “печальников”, готовых ручаться за опальных головой и всем своим имуществом», с которыми должен был считаться сам Иван Грозный [Веселовский, с. 125].

в значительной степени привлечение поручителей для поддержки провинившихся (или нуждавшихся в подтверждении своей верности) вельмож в 1560-е – начале 1570-х гг. носило случайный характер. В нескольких примерах процесс сбора поручителей имел ограниченные временные рамки, что не могло не сказаться на качестве проводимых мероприятий по поиску поручителей. «Порука» по И. Д. Бельскому оформлялась в преддверии намечавшегося похода в Великое княжество Литовское. В случае с И. Ф. Мстиславским также пришлось ограничиться находившимися в столице служилыми людьми. Скорее всего, в условиях цейтнота собирались поручители по Салтыковым и князьям Серебряным.

17 февраля 1566 г. была выдана грамота новому приставу М. И. Воротынского И. А. Лодыгину, который должен был отправиться к нему в ссылку на Белоозеро [АИ, с. 336]. Уже 12 апреля по Михаилу Воротынскому были подписаны поручные записи [Поручные записи, с. 57, 58]. Учитывая дальность расстояния, очевидно, что сбор поручителей по этому виднейшему воеводе был ограничен во времени.

Спонтанность и короткие сроки, в которые должны были уложиться организаторы «поруки», приводили к отмеченным несоответствиям при оформлении поручных записей – записи по И. Д. Бельскому, князьям Серебряным, И. П. Яковлеву, И. Ф. Мстиславскому.

Поручительство не превратилось в постоянно действующий институт, который смог бы успешно функционировать на протяжении нескольких десятилетий, обеспечивая взаимосвязь между царской властью и виднейшими представителями правящей элиты.

В ряде поручных записей видно влияние горизонтальных связей. Наиболее отчетливо они проявились в «опричных» записях по И. П. Хворостину и З. И. Очину-Плещееву. Представители южных уездов активно участвовали в «поруке» по А. И. Воротынскому. Морозовы поддержали Л. А. Салтыкова, а князья Палецкие и И. П. Новосильцев – М. И. Воротынского. Всем этим примерам не хватало, однако, системности. Их значение во многом нивелировалось чрезвычайно крупными суммами (кроме примеров И. П. Хворостина, З. И. Очина-Плещеева и отчасти Салтыковых), требуемыми для обеспечения верности выручаемых вельмож, а также экстраординарным характером прецедентов поручительства. Прощение бывших опальных аристократов оставалось прерогативой лично царя и великого князя. При этом правила игры могли существенно меняться от случая к случаю.

¹¹ С. И. Наумов, П. И. И. Д. И. Марковы, Б. С. Муратов, Н. В. Хитрово, С. И. И. А. И. Курчевы, Ф. Ф. Волынский, А. Д. Заборовский, Ждан Михалчуков, Мансур М. И. Н. М. Товарищевы, Л. Б. Хрушов, М. Истомин и Д. С. Беклемишевы, М. Г. Кулнев, И. А. Фефилатьев, А. И. Коровин Кутузов, А. Исупов Новокрещенов, князь П. Потулов Волконский, Н. Г. Ржевский, А. Г. Тарбеев, Д. Г. Терпигорев, С. Г. Квашнин, Б. К. Кольчев, Нечай Горяинов и В. Ф. Засецкие, Меншой Губин, И. Н. Павлинов-Плещеев, И. А. Захаров, А. И. Запоров.

При увеличении суммы «поруки» и закономерном расширении социального состава поручителей за счет включения в их число рядовых городских детей боярских сама процедура поручительства в значительной степени утрачивала свое первоначальное значение. Возможная опала приводила к необходимости привлечь к ответственности широкий круг лиц. Закономерным итогом стала в этом случае поручная запись по И. Ф. Мстиславскому. К участию в ней было привлечено 283 поручителя, большинство из которых были выходцами из городских детей боярских. Вряд ли в действительности с них удалось бы собрать весь объем причитающейся суммы, не говоря уже об очевидной «поруке» службе при одновременном изъятии денег в соответствии с принятыми ими на себя обязательствами. При этом, судя по широте представленных в этой поручной записи служилых «городов», их связь с тем же И. Ф. Мстиславским была весьма условной. Соответственно, не приходилось говорить и о взаимной поддержке поручителей или о помощи, которую они могли получить извне при возникновении каких-либо эксцессов.

В сущности, поручительство при таком положении вещей превращалось в сложную и малозначимую процедуру, потерявшую смысл и иницируемую только как продолжение политического маскарада, который часто был характерной чертой деятельности самого Ивана IV.

Источники

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. [4], VIII, 551, 43, [1] с., [1] л. ил.
- АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. 3. 678, [2] с.; М., 2008. Т. 4. 632 с.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Подгот. А. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин. М., 1956. Ч. 2. 663 с.
- Боярская книга – Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 79–116.
- ГАР – Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции: в 3 ч. / Подгот. текста и комментарий. А. А. Зимина; под ред. И с предисл. А. В. Черепнина. М., 1978. 631 с.
- Зимин А. А. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // ИА. 1960. № 3. С. 143–150.
- Каширская десятина 1556 г. // «Heraldica»: Исторический сборник. СПб., 1900. Т. 1. Отд. 4. С. 28–44.
- Курбский – Андрей Курбский. История о делах великого князя Московского / Изд. подгот. К. Ю. Ерусалимский; пер. А. А. Алексеев; отв. ред. Ю. Д. Рыков. М., 2015. 942 с., [9] л. портр., факс.
- Маишафаров А. В. Акты XVI в. Спасо-Преображенского монастыря г. Белева из собрания РГАДА // Белевские чтения. Белев, 2002. Вып. 2. С. 48–64.
- ПИРСС – Памятники истории русского служилого сословия конца XIV – конца XVII вв. / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. 554, [1] с.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Л., 1979. 447 с.
- ПКМГ – Писцовые книги Московского государства XVI в. / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. 1598, [5] с.
- Поручные записи – Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 8–79.
- ПСРА. М., 2000. Т. 13. Ч. 2. 544 с.
- РК 1475–1598 – Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, ввод. ст. И ред. В. И. Буганова. М., 1966. 614 с.
- РК 1475–1605 – Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 221–440.
- Сахаров И. П. Кормовая книга Кирило-Белозерского монастыря // Записки Отделения русской и славянской филологии Императорского археологического общества. 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 46–139.
- Сб. РИО – Сборник русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. VI, XXII, 869 с., 88 стб.; СПб., 1892. Т. 71. [8], VI, 807 с., 234 стб.

СГД. М., 1813. Ч. 1. [4], VI, [18], 643, [1] с.

Станиславский А. Л. Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 293–301.

Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. 505, [1] с. ТКДГ – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950. 456 с.

Литература

Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 258–284.

Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. М., 2002. (Русский дипломатарий; Вып. 8). 653 с.

Бенцианов М. М. Поручные записи первой половины XVI в.: Горизонтальные связи московской служилой элиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 4 (98). С. 39–59. DOI 10.25986/IRI.2024.98.4.004

Бибииков Г. Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 14: Сборник статей по истории СССР XVI–XVII вв. С. 5–28.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 539 с.

Ерусалимский К. Ю. Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // Российская история. 2017. № 1. С. 3–31.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 348 с.

Зимин А. А. Опричина. М., 2001. 451 с.

Кобрин В. Б. Опричина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. 369 с.

Козляков В. Н. К истории опричного суда (Отписка 1572/73 г. в Разбойную избу из «Смоленской коллекции Шведского государственного архива») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 3. С. 117–128. DOI 10.15688/jvolsu4.2022.3.8

Корзинин А. Л. Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Часть 1-я // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 1. С. 3–23.

Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016. 663, [1] с.

Корзинин А. Л. Земский двор в 1565–1572 годах // Сборник в честь В. К. Зиборова. СПб., 2017. (Опыты по источниковедению; Вып. 5). С. 152–175.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 887 с. [Кром 2010a]

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в истории русско-литовских отношений XV – первой трети XVI в. М., 2010. 320 с. [Кром 2010b]

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века: опыт исторического исследования. СПб., 1888. XVI, 559, 72, 101, VI с.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. 278 с.

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. 594 с.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. 578 с.

Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1900. Вып. 2. IV, [2], 208 с.

References

Antonov, A. V. K istorii udela knyazei Odоеvskikh. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, 2001. Iss. 7. Pp. 258–284. (In Russ.)

Antonov, A. V. Chastnye arkhivy russkikh feodalov XV – nachala XVII veka. Moscow, 2002. (Russkii diplomatarii; Iss. 8). 653 p. (In Russ.)

Bentsianov, M. M. Poruchnye zapisi pervoi poloviny XVI v.: Gorizontaľnye svyazi moskovskoi sluzhiloi elity. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2024. No. 4 (98). Pp. 39–59. DOI 10.25986/IRI.2024.98.4.004 (In Russ.)

- Bibikov, G. N. K voprosu o sotsial'nom sostave oprichnikov Ivana Groznogo. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. Moscow, 1941. Iss. 14: Sbornik statei po istorii SSSR XVI–XVII vv. Pp. 5–28. (In Russ.)
- Erusalimskii, K. Yu. Moskovsko-litovskaya voina 1562–1566 gg. i vvedenie oprichniny: problemy demografii i zemel'noi politiki. In *Rossiiskaya istoriya*. 2017. No. 1. Pp. 3–31. (In Russ.)
- Kobrin, V. B. Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika: Izbrannye trudy. Moscow, 2008. 369 p. (In Russ.)
- Korzinin, A. L. Sostav dvoryanstva na zemskom sobore 1566 g. Chast' 1-ya. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. *Istoriya*. 2012. Iss. 1. Pp. 3–23. (In Russ.)
- Korzinin, A. L. Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichnyi period (1550–1565 gg.). Moscow; Saint Petersburg, 2016. 663, [1] p. (In Russ.)
- Korzinin, A. L. Zemskii dvor v 1565–1572 godakh. In *Sbornik v chest' V. K. Ziborova*. Saint Petersburg, 2017. (Opyty po istochnikovedeniyu; Iss. 5). Pp. 152–175. (In Russ.)
- Kozlyakov, V. N. K istorii oprichnogo suda (Otpiska 1572/73 g. v Razboinuyu izbu iz “Smolenskoii kollekt-sii Shvedskogo gosudarstvennogo arkhiva”). In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4. *Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. Vol. 27. No. 3. Pp. 117–128. DOI 10.15688/jvo-lsu4.2022.3.8 (In Russ.)
- Krom, M. M. “Vdovstvuyushchee tsarstvo”: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka. Moscow, 2010. 887 p. (In Russ.)
- Krom, M. M. Mezhduruz'yu i Litvoi. Pogranichnye zemli v istorii russko-litovskikh otnoshenii XV – pervoi treti XVI v. Moscow, 2010. 320 p. (In Russ.)
- Likhachev, N. P. Razryadnye d'yaki XVI veka: opyt istoricheskogo issledovaniya. Saint Petersburg, 1888. XVI, 559, 72, 101, VI p. (In Russ.)
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove. Saint Petersburg, 1992. 278 p. (In Russ.)
- Sadikov, P. A. Ocherki po istorii oprichniny. Moscow; Leningrad, 1950. 594 p. (In Russ.)
- Shumakov, S. A. Obzor “Gramot kollegii ekonomii”. Moscow, 1900. Iss. 2. IV, [2], 208 p. (In Russ.)
- Skrynnikov, R. G. Tsarstvo terrora. Saint Petersburg, 1992. 578 p. (In Russ.)
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny. Moscow, 1963. 539 p. (In Russ.)
- Zimin, A. A. Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. Moscow, 1988. 348 p. (In Russ.)
- Zimin, A. A. Oprichnina. Moscow, 2001. 451 p. (In Russ.)

Mikhail M. Bentsianov

North-West Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russia

GUARANTEE NOTES OF THE 1560s – EARLY 1570s.:
THE RULING ELITE AND PROVINCIAL SERVICEMEN

This article examines horizontal connections in the 1560s and early 1570s guarantee notes from the Tsar's archive, examining them as a unified set of documents reflecting ongoing changes in the domestic political situation of the Russian State. The analysis suggests that the guarantee notes were of situational nature and did not lead to the emergence of a practice of general surety among the upper aristocracy members, similar to the territorial service corporations of the second half of the 1570s. The identified examples of horizontal connections were not systematic. As the sums of surety increased and the number of sureties expanded, the surety procedure lost its significance and turned into a kind of political “masquerade.”

Keywords: Russian State, a guarantee, guarantee notes, ruling elite, aristocracy, Sovereign's court, Oprichnina, horizontal connections, Ivan the Terrible